

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

**PROTECTION OF TRADE SECRETS IN UZBEKISTAN:
ANALYSIS OF THE METAL-TECH LTD. v. REPUBLIC OF
UZBEKISTAN CASE**

Author: Abdullaev Oybek

Lecturer at the Department of English Law and European Union Law at TSUL

E-mail: o.abdullayev@tsul.uz

Abstract: *This thesis is devoted to the analysis of the Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan case (ICSID Case No. ARB/10/3, 2013) as a precedent in the field of international investment protection of trade secrets and know-how. The work consistently examines the factual circumstances of the dispute related to the creation of a joint venture for molybdenum processing in Uzbekistan, the legal regime of investments under the Israel–Uzbekistan bilateral investment treaty, and the mechanism for applying the requirement for the legality of investments in the context of the corruption component of the case. Special attention is paid to how the corruption payments identified by the arbitral tribunal deprived the investor of jurisdictional protection of technological assets, despite the formal inclusion of know-how in the concept of "investment" under the treaty. Based on the analysis of the decision, conclusions are formulated about systemic problems of trade secret protection in Uzbekistan and practical measures necessary for both foreign investors and the legislator.*

Keywords: trade secret; know-how; investment arbitration; ICSID; corruption and legality of investments.

**ЗАЩИТА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В УЗБЕКИСТАНЕ:
АНАЛИЗ ДЕЛА METAL-TECH LTD. v. REPUBLIC OF UZBEKISTAN**

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

Автор: Абдуллаев Ойбек

*Преподаватель кафедры английского права и права Европейского Союза в
ТГЮУ*

E-mail: o.abdullayev@tsul.uz

Аннотация. Настоящий тезис посвящён анализу дела *Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan (ICSID Case No. ARB/10/3, 2013)* как прецедента в области международной инвестиционной защиты коммерческой тайны и ноу-хау. В работе последовательно рассматриваются фактические обстоятельства спора, связанного с созданием совместного предприятия по переработке молибдена в Узбекистане, правовой режим инвестиций по двустороннему инвестиционному договору Израиль–Узбекистан, а также механизм применения требования о законности инвестиций в контексте коррупционной составляющей дела. Особое внимание уделяется вопросу о том, каким образом выявленные арбитражным трибуналом коррупционные платежи лишили инвестора юрисдикционной защиты технологических активов, несмотря на формальное включение ноу-хау в понятие «инвестиции» по договору. На основе анализа решения формулируются выводы о системных проблемах защиты коммерческой тайны в Узбекистане и о практических мерах, необходимых как иностранным инвесторам, так и законодателю.

Ключевые слова: коммерческая тайна; ноу-хау; инвестиционный арбитраж; МЦУИС (ICSID); коррупция и законность инвестиций.

I. Введение

Международный инвестиционный арбитраж является одним из ключевых механизмов защиты прав иностранных инвесторов, в том числе применительно к объектам интеллектуальной собственности и коммерческой тайны. Настоящая

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

работа посвящена разбору дела *Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan* (ICSID Case No. ARB/10/3, решение от 4 октября 2013 г.),¹ которое представляет исключительный научный интерес по целому ряду причин: оно затрагивает вопросы квалификации ноу-хау как инвестиции, стандарта доказывания коррупции в арбитражном процессе, а также последствий незаконного учреждения инвестиции для юрисдикции трибунала. Итог дела — отказ в юрисдикции по мотиву коррупции — наглядно демонстрирует, каким образом несоблюдение национального законодательства принимающего государства способно полностью лишить инвестора защиты тех активов, ради охраны которых он и обращался в арбитраж.

II. Фабула дела

Metal-Tech Ltd. — израильская компания, специализирующаяся на высокотехнологичной переработке молибдена. В конце 1990-х годов молибденовая промышленность Узбекистана находилась в глубоком кризисе: государственное предприятие АГМК добывало концентрат с содержанием молибдена не более 30% при мировом стандарте в 51%, а УзКТЖМ — единственный перерабатывающий завод страны — функционировал лишь на 15–20% мощности.² Именно в этом контексте зародилась идея совместного предприятия.

В 2000 году на основании Постановлений Кабинета Министров № 15 и 29-Ф было создано совместное предприятие «Uzmetal Technology» (Узметал) с долевым участием *Metal-Tech* (50%), УзКТЖМ (30%) и АГМК (20%). По условиям ЕРС-

¹ICSID Case No. ARB/10/3, Award, 4 October 2013 (*Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan*). Текст решения размещён на: <https://italaw.com/cases/682>

²Award, §§ 8–10: Молибденовый концентрат АГМК содержал лишь 30% молибдена при мировом стандарте в 51%; предприятие УзКТЖМ работало на 15–20% мощности.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

контракта № 0150500/U Metal-Tech взяла на себя обязательство поставить Узметал оборудование, ноу-хау и монтажные работы, необходимые для модернизации молибденового производства.³ В 2002 году строительство было завершено, и предприятие начало работу.

Однако в 2006–2007 годах в отношении руководства Узметала возбуждены уголовные дела, предприятие было признано банкротом, а ввоз сырья прекращён. Metal-Tech обратилась в МЦУИС, заявив нарушение Двустороннего инвестиционного договора (ДИД) между Узбекистаном и Израилем 1994 года,⁴ и потребовала компенсации за утраченные инвестиции, включая переданные технологии и ноу-хау. В ходе арбитражного разбирательства Узбекистан выдвинул возражение, полностью изменившее ход дела: он утверждал, что Metal-Tech выплатила более 4,4 млн долл. США в качестве взяток государственным чиновникам и лицам, тесно связанным с Правительством, — в том числе брату Премьер-министра (г-н Султанов) и сотруднику Аппарата Президента (г-н Чиженок) — с целью получения правительственного одобрения инвестиционного проекта через упомянутые постановления.⁵ Платежи осуществлялись через формально заключённые консультационные договоры с MPC International и тремя физическими лицами.

III. Правовая основа: ДИД, ICSID и понятие «инвестиции»

³Award, § 24: По контракту № 0150500/U (EPC-контракт) Metal-Tech обязалась передать Uzmetal оборудование, ноу-хау и монтажные работы.

⁴Agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the State of Israel for the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (BIT), 1994.

⁵Award, § 29: Металл-Тех заключила консультационные договоры с MPC International и тремя физическими лицами — Михайловым, Султановым и Чиженком — якобы для продвижения проекта.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

Центральным правовым вопросом стало соответствие инвестиции требованиям законности, закреплённым в статье 1(1) ДИД. Согласно этой норме, инвестициями признаются только те вложения, которые «реализованы в соответствии с законами и нормативными актами договаривающейся стороны, на территории которой они осуществляются». Примечательно, что статья 1(1) ДИД прямо включает в определение «инвестиций» «права в области интеллектуальной собственности, технические процессы и ноу-хау»,⁶ то есть именно те активы, которые Metal-Tech передала Узметал по ЕРС-контракту.

Это означало, что технологические разработки и производственные секреты компании теоретически подпадали под защиту ДИД. Тем не менее трибунал был обязан прежде всего установить, выполнено ли условие законности при учреждении инвестиции — ибо в противном случае сам предмет защиты выпадал из сферы действия договора.⁷

Трибунал подчеркнул, что требование о законности не является лишь формальностью: оно исключает из-под договорной защиты инвестиции, изначально созданные с нарушением фундаментальных норм права принимающего государства. Перечень соответствующих нарушений охватывает, в частности, коррупцию, мошенничество и грубые нарушения публичного порядка.

IV. Коррупционная составляющая и утрата юрисдикции

⁶BIT, Статья 1(1): «инвестиции» включают, в том числе, «права в области интеллектуальной собственности, технические процессы и ноу-хау».

⁷Award, §§ 165–168: Трибунал констатировал, что требование о законности инвестиций содержится в ст. 1(1) ДИД и охватывает все серьёзные нарушения права принимающего государства при учреждении инвестиции.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

Основным камнем преткновения стал вопрос о доказанности коррупции. Статьи 210–212 Уголовного кодекса Республики Узбекистан запрещают дачу, получение взятки и посредничество во взяточничестве в любых формах — в том числе замаскированных под «подарок», «продажу по заниженной цене» или «сервисный контракт».⁸ Постановление Пленума Верховного суда № 19 (1999) уточняло, что ответственность наступает вне зависимости от того, было ли вознаграждение выплачено до или после совершения должностного действия.

Трибунал, проанализировав каждого из предполагаемых получателей взяток,⁹ установил следующее. В отношении г-на Чиженка — чиновника Аппарата Президента — было признано, что Metal-Tech обязалась выплачивать ему вознаграждение ещё с 1998 года, то есть в период, когда он занимал государственную должность и реально мог влиять на одобрение инвестиционного проекта. Выплаты г-ну Султанову — брату Премьер-министра — были квалифицированы как незаконное обогащение третьего лица, аффилированного с государственным должностным лицом, что прямо охватывается узбекским антикоррупционным законодательством. В отношении г-на Ибрагимова трибунал, напротив, не нашёл достаточных доказательств коррупции.

Стандарт доказывания, применённый трибуналом, — «разумная степень достоверности» на основе совокупности косвенных доказательств.¹⁰ Арбитры

⁸Award, §§ 278–289: Статьи 210–212 Уголовного кодекса Республики Узбекистан запрещают дачу и получение взятки как лично, так и через посредников.

⁹Award, §§ 294–372: Трибунал детально проанализировал каждого консультанта: в отношении Чиженка (государственного чиновника) и Султанова (брата Премьер-министра) факт коррупции был признан доказанным; в отношении Ибрагимова — нет.

¹⁰Award, § 4006: «...коррупция по своей природе сложно поддаётся доказыванию, и было бы нереалистично требовать прямых доказательств». Трибунал применил стандарт «разумной степени достоверности» на основе совокупности косвенных улик.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

сослались на систему «красных флажков» (red flags), разработанную в международной антикоррупционной практике: отсутствие у консультантов релевантного опыта, нечёткое описание оказываемых услуг, выплаты через офшорные структуры в третьих странах, близость консультантов к государственным органам. Совокупность этих признаков убедила трибунал в том, что консультационные договоры прикрывали коррупционные выплаты.

Вывод трибунала был категоричен: коррупция установлена в объёме, достаточном для нарушения Узбекского законодательства при учреждении инвестиции. Следовательно, инвестиция не отвечала требованию законности по статье 1(1) ДИД, а значит, Узбекистан не давал согласия на арбитраж в соответствии со статьёй 8(1) ДИД и статьёй 25(1) Конвенции МЦУИС. Трибунал отказался от юрисдикции.¹¹ Этот вывод согласуется с прецедентом по делу *World Duty Free v. Kenya*,¹² где коррупция была признана нарушением транснационального публичного порядка, влекущим недопустимость иска.

V. Ноу-хау и коммерческая тайна как объект инвестиционной защиты в Узбекистане

Дело Metal-Tech наглядно демонстрирует двойственность правового положения ноу-хау и коммерческой тайны в инвестиционном контексте. С одной стороны, узбекское законодательство — в первую очередь Закон «О

¹¹Award, §§ 293, 372–373: Трибунал установил коррупцию с «разумной степенью достоверности» и констатировал отсутствие юрисдикции в связи с несоответствием инвестиции требованиям законности по ст. 1(1) ДИД.

¹²World Duty Free Co. Ltd. v. Republic of Kenya, ICSID Case No. ARB/00/7, Award, 4 October 2006, § 157: коррупция противоречит транснациональному публичному порядку.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

коммерческой тайне» 2021 года¹³ и Гражданский кодекс¹⁴ — формально признаёт коммерческую тайну самостоятельным объектом гражданских прав, а Закон «Об иностранных инвестициях»¹⁵ гарантирует иностранным инвесторам защиту интеллектуальной собственности наравне с национальными инвесторами. С другой стороны, дело Metal-Tech наглядно показывает: любая, даже самая ценная и законно приобретённая технология может лишиться защиты, если само по себе учреждение инвестиции сопряжено с коррупцией.

Metal-Tech передала Узметал уникальные технологии переработки молибдена, включая производственные секреты и специализированное ноу-хау, позволявшее превращать низкокачественный концентрат (30% молибдена) в чистый молибденовый оксид, пригодный для мирового рынка. Именно эти технологии составляли ядро инвестиции и, при иных обстоятельствах, подлежали бы полноценной защите по ДИД. Однако трибунал не только не рассмотрел вопрос о законности экспроприации этих активов, но и вообще отклонил все требования, не приступив к рассмотрению существа дела.

Из этого вытекает принципиально важный вывод для практики: защита коммерческой тайны и ноу-хау в рамках международного инвестиционного права носит субсидиарный по отношению к законности инвестиции характер. Даже идеально задокументированная передача технологий не спасёт инвестора, если процедура получения государственного одобрения включала незаконные платежи. Аналогичную ситуацию — когда ноу-хау входит в состав инвестиции,

¹³Закон Республики Узбекистан «О коммерческой тайне» от 11 декабря 2021 г. № ЗРУ-716.

¹⁴Гражданский кодекс Республики Узбекистан, Статья 1008 и след.: коммерческая тайна как объект гражданских прав.

¹⁵Закон Республики Узбекистан «Об иностранных инвестициях» от 30 апреля 1998 г. № 609-I (с последующими изменениями), Статья 3.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

но сама инвестиция учреждается в обход закона — можно считать системным риском для технологического бизнеса в государствах со значительным коррупционным давлением.

Примечательно и то, что трибунал не усмотрел нарушения узбекского законодательства о коммерческой тайне непосредственно в действиях Узбекистана: Ташкент не предъявлял претензий в связи с раскрытием производственных секретов, а сосредоточился исключительно на вопросах коррупции. Это свидетельствует о том, что при наличии веских юрисдикционных возражений принимающее государство может полностью избежать разбирательства по существу, не вступая в полемику об экспроприации технологий или нарушении режима коммерческой тайны.

VI. Уроки для системы защиты коммерческой тайны в Узбекистане

Анализируемое дело позволяет сформулировать ряд системных выводов применительно к узбекскому правопорядку.

Во-первых, **необходимость комплексного соблюдения законодательства.** Узбекское право — как Закон «О коммерческой тайне», так и Закон «Об иностранных инвестициях» — предоставляет широкий инструментарий защиты технологических активов. Однако право Metal-Tech воспользоваться этим инструментарием было утрачено вследствие нарушения антикоррупционного законодательства. Иностраный инвестор, стремящийся защитить ноу-хау и производственные секреты в Узбекистане, обязан обеспечить безукоризненное соблюдение всего законодательного массива — от процедуры регистрации и лицензирования до требований комплаенса.

Во-вторых, **значение «красных флажков» при структурировании консультационных соглашений.** Практика использования консультантов с

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

неопределёнными функциями, выплаты через офшорные компании и аффилированность консультантов с государственными органами — всё это воспринимается международными трибуналами как индикаторы коррупции. Для Узбекистана это означает необходимость жёстких требований к раскрытию бенефициаров и документированию реально оказанных услуг.

В-третьих, **стандарт доказывания в арбитражных делах о коррупции.** Трибунал Metal-Tech отверг как чрезмерно высокие требования к доказательствам (прямые доказательства передачи взятки), так и чрезмерно низкие (одни лишь подозрения). Применённый стандарт «разумной степени достоверности» ориентирован на совокупность косвенных улик — что создаёт существенную неопределённость для инвесторов и одновременно открывает государству широкие возможности для блокирования арбитражных претензий.

В-четвёртых, **пробел в области возврата технологий.** Поскольку трибунал отказался от юрисдикции, вопрос о судьбе переданных Metal-Tech технологий — кому они принадлежат, может ли Узбекистан ими пользоваться, — так и не получил разрешения в арбитражном порядке. Этот пробел указывает на необходимость совершенствования национального законодательства о коммерческой тайне в части регулирования ситуаций, когда инвестиционный проект ликвидируется в связи с нарушениями законодательства.

VII. Заключение Дело *Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan* занимает особое место в практике инвестиционного арбитража. Оно не только подтвердило устойчивый принцип, согласно которому незаконность при учреждении инвестиции лишает её международной договорной защиты, но и продемонстрировало, как этот принцип функционирует в реальном коммерческом споре вокруг передачи высокотехнологичного ноу-хау.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

С точки зрения защиты коммерческой тайны дело преподаёт двойной урок. Для инвесторов: сколь бы ценной ни была передаваемая технология и сколь бы детально она ни была закреплена в контрактах, коррупция при учреждении инвестиции обнуляет всю систему международно-правовой защиты. Для Узбекистана: формальное наличие развитого законодательства о коммерческой тайне и иностранных инвестициях само по себе не гарантирует правовой определённости, если правоприменительная практика допускает манипулирование процедурами одобрения инвестиционных проектов.

Наконец, решение трибунала наглядно продемонстрировало, что международные антикоррупционные стандарты¹⁶ имеют прямое значение для инвестиционного арбитража: они очерчивают границы, за которыми защита частных интересов инвестора уступает приоритету публичного порядка. Применительно к Узбекистану это означает, что создание эффективной системы защиты коммерческой тайны требует не только совершенствования гражданско-правовых механизмов охраны технологических активов, но и последовательной антикоррупционной политики — без которой любые правовые гарантии рискуют остаться декларативными.

Список литературы

1. Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3, Award, 4 October 2013. — URL: <https://italaw.com/cases/682> (дата обращения: 20.04.2026).
2. World Duty Free Co. Ltd. v. Republic of Kenya, ICSID Case No. ARB/00/7, Award, 4 October 2006. — URL: <https://italaw.com/cases/1280> (дата обращения: 20.04.2026).

¹⁶Конвенция ООН против коррупции (UNCAC), 2003; Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц, 1997.

**“ZAMONAVIY ILMIY YONDASHUVLAR VA TEXNOLOGIK
TARAQQIYOTNING USTUVOR YO‘NALISHLARI” nomli Respublika
ilmiy-amaliy masofaviy konferensiyasi
VOLUME-1, ISSUE-1, 2026**

3. Agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the State of Israel for the Promotion and Reciprocal Protection of Investments (BIT), 1994.

4. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (ICSID Convention), Washington, 1965. — URL: <https://icsid.worldbank.org> (дата обращения: 20.04.2026).

5. Закон Республики Узбекистан «О коммерческой тайне» от 11 декабря 2021 г. № ЗРУ-716 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 20.04.2026).

6. Закон Республики Узбекистан «Об иностранных инвестициях» от 30 апреля 1998 г. № 609-I (с последующими изменениями) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 20.04.2026).

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (статьи 210–212) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 20.04.2026).

8. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz> (дата обращения: 20.04.2026).

9. United Nations Convention against Corruption (UNCAC), 2003. — URL: <https://unodc.org/unodc/en/corruption/uncac.html> (дата обращения: 20.04.2026).

10. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions, 1997. — URL: <https://oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (дата обращения: 20.04.2026).

11. Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. — 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 440 p.

12. Llamzon A. Corruption in International Investment Arbitration. — Oxford: Oxford University Press, 2014. — 448 p.

13. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 19 «О судебной практике по делам о взяточничестве» от сентября 1999 г.